

УДК 330.84/.86(571)
ББК 65.02(253)53-2
DOI [10.17150/2308-2588.2016.17\(3\).578-616](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17(3).578-616)

И. И. Попов

СУДЬБЫ КАПИТАЛИЗМА В СИБИРИ (ОТВЕТ Л.Б. КР-НУ)*

Аннотация. Переиздание увидевшей свет на страницах газеты «Восточное обозрение» статьи ее редактора и издателя, народовольца Ивана Ивановича Попова (1862–1942), ставшей частью содержательной — хотя и непродолжительной — дискуссии с марксистами (Л. Б. Красин), в центре которой находился вопрос о судьбах капитализма в Сибири.

Ключевые слова. «Восточное обозрение», Л. Б. Красин, марксисты, народники, И. И. Попов, судьбы капитализма в Сибири.

I. I. Popov

THE FATE OF CAPITALISM IN SIBERIA (ANSWER TO L. B. KR-N)

Abstract. Re-edition of the article issued in «Eastern survey» newspaper and written by editor and publisher, a member of «Narodnaya Volya» I. I. Popov (1862–1942) that became a part of thoughtful, but brief discussion with Marxists (L. B. Krasin) about the fate of capitalism in Siberia.

Keywords. «Eastern survey», L. B. Krasin, Marxists, Narodniki (Russian populists), I. I. Popov, the fate of capitalism of Siberia.

* Печатается по изданию: Судьбы капитализма в Сибири. (Ответ Л. Б. Кр-ну) // Восточное обозрение. 1896. 3 нояб. (№ 130); 6 нояб. (№ 131); 8 нояб. (№ 132); 10 нояб. (№ 133). Подпись: И. И. П-в.

*Рассматривайте предметы,
держась почвы действительности,
взвешивая все конкретные условия,
все обстоятельства времени и места*

ГЕГЕЛЬ

Прежде чем приступить к разбору тезисов, выставленных г. Л. Б. Кр-м, и указать на преждевременность и неосновательность их, на полное несоответствие действительной хозяйственной жизни Сибири с той картиной, которая нарисована в «Судьбах капитализма в Сибири», — мы считаем необходимым обосновать свои теоретические положения, сделать возражения г. Л. Б. Кр-ну в области теории, так как не столько в фактических данных, сколько в вопросах историософии заключается наше коренное разногласие с г. Л. Б. Кр-м, и экономическими материалистами, рассматривающими историю человечества с «высот объективной истины». Мы также, как и г. Л. Б. Кр-н, между прочим, признаем, что «наука добывает свои истины при помощи единого метода¹, метода точного наблюдения и опыта», и думаем, если бы почтенный автор прибегнул к этому методу для решения интересующего нас вопроса, то он пришел бы к заключениям, если не тождественным с теми, к которым и мы пришли в своей лекции, то, во всяком случае, близким к ним. При «объективном» отношении к «жизненности того или иного экономического явления необходимо считаться прежде всего с тем, что есть — с действительным положением вещей, а не с симпатиями самого исследователя». Это «объективное» отношение к действительности дает автору возможность сделать категорическое заключение², что «капитализм торжествует в Сибири

¹ При выводах в науке прилагается и дедуктивный метод, распространенный если не более, то во всяком случае не менее индуктивного метода.

² Более категорическое, чем это мы сделали в своей нижегородской лекции.

по всей линии (подобного полного торжества мы не видим ни в Европ[ейской] России, ни в капиталистических странах) и в ближайшем будущем нет никаких реальных сил, которые могли бы задержать это торжество³. Таким образом, торжество капитализма для автора несомненный факт сибирской действительности; но не на основании опыта и наблюдений (как это мы надеемся доказать ниже) пришел к такому выводу наш автор, а на основании твердого убеждения, «что неизбежная последовательность самой экономической эволюции, наряду с жизненным опытом и наукой Зап[адной] Европы, от которой в значительной степени берет начало и наш капитализм, поможет разрешить в конце концов все затруднения и задачи, возникающие одновременно с появлением этой формы народного хозяйства». Но мы пока не будем останавливаться над разрешением капитализмом задач и затруднений; для нас с точки зрения историософии важна фраза Л. Б. Кр-на: «неизбежная последовательность экономической эволюции».

Историки и философы с древних времен стремились разобраться в сложной сети исторических фактов, найти в них руководящее начало, закон, обязательный и общий для всех наций и народов. Грандиозные успехи в области естественных наук и теория Дарвина, космический закон, теория молекулярного движения в химии выдвинули в биологии гипотезу, поставившую во главу всего совершающегося в природе эволюцию; новые факты, новые данные подтверждают эту гипотезу, и недалеко, быть может, то время, когда она обратится в теорию, в такой же неизбежный закон, каким является движение, управляющее космическими явлениями. Это-то единство сил в природе вызвало в области философии истории стремление

³ Естественные условия, формы быта и производства, земледельческий характер страны служат немалым тормозом для торжества капитализма.

отыскать такой род явлений, такой фактор, который должен явиться краеугольным камнем исторического развития, таким же социологическим законом, каким в биологии является движение. Одни философы-историки выдвинули Божественный Промысел, как начало, управляющее миром и все определяющее, другие Абсолют — начало безусловное, независящее ни от каких условий, третьи прогресс человечества видели в интеллектуальной работе, работе человеческого мозга, четвертые — в вершину угла человеческой эволюции поставили заботы человека об удовлетворении своих материальных потребностей. К числу последних примыкает и К. Маркс, высказавший в предисловии к «Zur Kritik der Politischen Oekonomie»⁴ свою точку зрения мимоходом и не подкрепивший ее аргументацией. Его воззрение заключает в себе два элемента — во-первых, то, что процесс производства есть основа общественной жизни, и, во-вторых, то, что непрерывное развитие общества есть результат с одной стороны, развития процессов производства и с другой, — их приспособления к производительным силам общества.

Несомненно также, что сам К. Маркс, выставивший вышеприведенную гипотезу, вовсе не придавал ей значение социологического закона: он указал метод, которым нужно руководствоваться при изучении исторических явлений, способ разобраться в запутанных исторических фактах, руководящую нить для изучения истории, и в этом отношении К. Маркс должен быть признан представителем исторического материализма. Но некоторые его последователи этот метод признали за неизбежный социологический закон, за шаблон, по которому должно совершаться историческое развитие каждого народа. Конечно, К. Маркс не ответствен за такое толкование, он сам нередко отказывался от тех выводов, которые ему приписывали, смеясь заявляя: «je ne suis pas marxiste»ⁱⁱ.

⁴ В прошлом году переведено на русский языкⁱ.

Г[осподин] Л. Б. Кр-н, по-видимому, также принадлежит к экономическим материалистам, как это доказывает заключительная его фраза: «с твердым убеждением, что неизбежная последовательность самой экономической эволюции, наряду с жизненным опытом Зап[адной] Европы и т. д. — поможет разрешить в конце концов все затруднения и задачи, возникающие одновременно с появлением капитализма». Автор, как и другие экономические материалисты признает, что основной закон истории найден. Мы же не можем с этим согласиться и утверждаем, что до открытия такого закона еще далеко⁵, что история совершается, эволюционирует не под воздействием одних экономических причин, а под воздействием экономических, интеллектуальных, этических, политических и многих других факторов — вот в этом наше коренное разногласие с автором «Судеб капитализма в Сибири». Другое наше разногласие в теории логически возникает из первого — это значение и роль личности в исторических процессах. Экономические материалисты для личности отводят в истории крайне ограниченное место, указанное якобы самим законом; мы не утверждаем, «что каждым открытым законом можно и должно пользоваться с “субъективными” целями, а если это закон общественно-хозяйственный, то надо им пользоваться в интересах общественных»⁶. Величайшая и благороднейшая задача мыслящей личности — изучать действительные отношения и условия, изменять и направлять их на общее благо.

Теперь переходим к определению понятия, что такое капитализм. Мы принимаем первое определение этого понятия Л. Б. Кр-м, хотя и оно не полно, но безусловно не можем признать правильным второе:

⁵ Быть может невозможно, так как история совершается под воздействием общих законов природы.

⁶ Ник[олай] — он [Даниельсон Н. Ф.]. Что же значит экономическая необходимость? // [Русское богатство. 1895. № 3. С. 44–58].

«в более широком смысле мы назовем капитализмом вообще такой строй народного хозяйства, в котором существует целый ряд форм зависимости трудящихся масс населения от капитала, зависимости, осуществляемой, поддерживаемой и воспроизводимой вновь благодаря развитию менового хозяйства, денежного обращения и различных форм кредита и задолженности».

Подобное определение настолько широко, настолько расплывчато, что капиталистическим производством окажутся чуть ли не все формы народного хозяйства, которые когда-либо существовали в истории, начиная с самых древних времен. Для капитализма безусловно необходимы указанные три фактора — обмен, денежное обращение и кредит. Но их еще недостаточно для развитого капиталистического производства. Обмен начинается на очень ранних ступенях человеческой жизни, настолько ранних, что в социологии ведется спор — начался ли этот обмен между индивидами или между целыми общинами. Денежное обращение, кредит и задолженность мы встречаем в государствах Востока, в древних Греции и Риме, не говоря уже о средних веках, когда уже существовали ганзейские союзы.

В классических государствах мы встречаемся и с товарным производством; так, Сицилия производила хлеб для Италии. Подобное же явление мы находим у финикийян, представлявших собою исключительно торговую нацию (виссон и пурпурⁱⁱⁱ). Обмен и задолженность существуют и у диких племен; в то же время на протяжении многих веков мы видим целый ряд форм зависимости трудящейся массы от капитала. Но все существовавшие ранее и существующие теперь на Востоке и у диких формы народного хозяйства мы не назовем капиталистическим строем и даже переходной его формой. Мы знаем, что исторически сложившемуся капиталистическому строю предшествовали

отличные от него формы производства: рабство, крепостное право с цехами, ремесленная промышленность, мануфактура — эпохи, в которых юридическая зависимость личности все более и более смягчалась, но и их мы не признаем за капиталистическую эпоху. Главное условие, характерный признак капиталистического строя — это полное разъединение трудящихся от средств производства, полное разобщение между производителем и потребителем продукта производства. Только при условии полного разобщения потребителя и производителя производство делается товарным, только при этом условии разделение труда, доведенное до высших пределов, обратившее человека в придаток машины, сводится к производству товаров со специальной целью их продажи на самый неопределенный, мировой, нередко весьма отдаленный рынок. Производство капиталистическое совершается при условии, чтобы рабочие могли продавать свой труд, могли им распоряжаться по своему усмотрению, т. е. были бы юридически независимыми.

Третье условие, характеризующее капиталистическую эпоху — это то, чтобы производство совершалось в крупных размерах, большой фабрике, где возможно приложение самых усовершенствованных машин, имеющих целью во много раз увеличивать производительность труда, заменить труд многих трудом немногих, труд мастеровых трудом черно-рабочих, труд взрослых трудом детей, труд мужчин трудом женщин. Технические усовершенствования, имеющие целью увеличивать производительность труда, в то же время увеличивают и прибавочную стоимость, сокращая «общественно необходимое рабочее время». В своем развитии капитализм влечет за собой торжество крупных предприятий над мелкими, концентрацию капиталов, соединение (картели) самостоятельных предприятий. Пропасть между имущими и неимущими должна увеличиваться, пока не пробьет

часть капиталистической собственности, и «экспроприирующих экспроприируют». Таков капитализм в развитом виде, обобществляющий труд, с особенной рельефностью и последовательностью он проявляется в области обрабатывающей промышленности, представителем которой является Англия.

Что же касается земледельческой промышленности, то здесь роль капитализма в отношении обобществления труда и концентрации производства значительно видоизменяется.

В области земледельческой промышленности мы не находим такого обобществления труда, которое является доминирующим фактом в обрабатывающей промышленности, и даже встречаемся с явлением обратным концентрации производства. Так, в Сев[е]ро[американских] Штатах, которые после Англии являются наиболее развитым капиталистическим государством, число фермеров растет: в 60 г. ферм было 2 044 тыс., к 1870 число их возросло до 2 659 тыс., в 1880 г. их насчитывалось до 4 млн, а в 1890 до 5 млн⁷, причем общий размер фермы в земледельческих штатах уменьшился. Во Франции замечается та же тенденция, что и в фермерском хозяйстве Америки: число cotes fonciers^{iv} за 46 л[ет] увеличилось на 42 %⁸. Причем во Франции факты приобретения земли фабричными рабочими встречаются все чаще и чаще.

Мелкая и средняя собственность не уничтожаются, как это показали труды многих исследователей, ни в Германии, ни в Италии, ни в Швеции, ни в Норвегии, причем в последних двух земледельческий класс относительно не меньше, чем в России.

⁷ См. Ник[олай] -он [Даниельсон Н. Ф.] Очерки [нашего] реформ[енного] [общественного] хозяйства. [СПб., 1893. 353 с.]

⁸ [Карышев Н. Землевладение в Западной Европе и России // Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. СПб. : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1894. Т. 12: Жилы — Земпах. С. 397]^v (да не подумает читатель, что тип французского крестьянина нам симпатичен).

По Энгельсу, в Англии и Германии мы встречаемся с любопытным явлением: в Южной и Зап[адной] Англии, вновь возникает кустарная промышленность (domestic industry), которую гг. Бельтов^{vi}, Струве^{vii}, Туган-Барановский^{viii} у нас преждевременно хоронят; в Германии среди крестьянского населения кустарные промыслы не падают: крестьяне занимаются приготовлением трубок, игрушек, корзин и проч. и проч., и крупная промышленность побить их не в состоянии по той простой причине, что у крестьянина 6–7 мес. в году свободны от земледельческих работ, и он свободное время и посвящает кустарным изделиям, почти не ценя свой труд. Конечно, подобное условие не может быть признано нормальным и желательным. Если мы коснулись его, то единственно потому, чтобы показать устойчивость этих форм народного хозяйства в борьбе с капитализмом. За последнее время в Швейцарии, Австрии, Дании, Германии правительства пришли на помощь кустарям, открытием кредита, устройством специальных школ, музеев, снабжением усовершенствованными орудиями и др. мерами, оказавшими замечательно благотворное влияние на домашнюю промышленность. Специальные исследования крупных землевладельческих хозяйств показывают, что крупные хозяйства не только не прогрессируют, но даже регрессируют и при этом в такой крупной капиталистической стране, как Англия. Все эти данные говорят, что великая историческая миссия капитализма, как понимают ее наши экономические материалисты, в области сельского хозяйства не выполняется и в странах со старой культурой ведет к регрессу, а в странах с более молодой культурой — к истощению почвы. Мы не знаем ни одного примера торжества капитализма в земледелии такого же блестящего, как в обрабатывающей промышленности Англии. Крупное землевладение Англии оказывается возможным при фермерском хозяйстве.

На своеобразность экономической эволюции в области сельского хозяйства было обращено внимание на съезде немецкой рабочей партии в Бреславле^{ix}. Вожди социал-демократизма Бебель^x и Либкнехт^{xi} настаивали на изменении программы своей партии, на необходимость поддержать немецкого крестьянина, на что еще ранее указывали баварцы, с Фольмаром^{xii} во главе. Но съезд отклонил это предложение; главным мотивом для такого отклонения послужило, как мотивировал это теоретик марксизма Каутский^{xiii}, недостаточное знакомство с законами экономического развития в области сельского хозяйства, в виду чего съезд постановил произвести исследование аграрных условий.

Подобная резолюция важна в том отношении, что она показывает возможность своеобразной эволюции, отличной от того пути, каким шла обрабатывающая промышленность в Зап[адной] Европе. О возможности для России миновать капиталистическую эру 15 л[ет] тому назад писал Н. К. Михайловскому^{xiv} сам основатель исторического материализма. Но, быть может, случай, о котором говорит Маркс, уже упущен, и нам не остается больше ничего, как, подобно Пимену^{xv}, заносить на скрижали веков победы капитализма да развивать производителя. Но и не больше. Во-первых, 15–20–30 лет – это мгновение в жизни народа. Мы не отрицаем успехов русского капитализма, развивавшегося при помощи подпорок из покровительственных пошлин, и признаем, что борьба с ним, чем дальше, тем делается труднее. Подпорки эти поддерживают наш капитализм более 30 лет, и результат налицо: из 120 миллионов, живущих в России, сельским хозяйством занимается 90 %, и только 1% занят в капиталистической обрабатывающей и горнозаводской промышленности; вывоз наших продуктов за границу составляет из 81 % сельскохозяйственных продуктов и только 19 % продуктов обрабатывающей и гор-

ной промышленности⁹. В 1865 г. в капиталистической промышленности было занято 1025 тыс. рабочих, в 1877 г. число их возросло до 1200 тыс., а в 1892 г. пало до 1170 [тыс.] человек¹⁰. В 1865 г. число рабочих, занятых в капиталистическом производстве, составляло 1,5 % всего населения, а в 1892 г. это отношение понизилось до 1,3%. По Ник[олаю] –ону^{xvi}, число рабочих и служащих, занятых на железных дорогах, фабриках, заводах, горном деле, в 1889 г. не превышало 1340 тыс. чел[овек]¹¹. Положим, во всей России насчитывается еще до 5 млн. безземельных крестьян, образовавшихся из бывших дворовых и из обезземеленных крестьян; часть из них работает на фабриках, другая является свободной в двояком смысле слова – от средств к жизни и производству и имеет право распоряжаться своим трудом. Эти безземельные крестьяне образуют главный контингент сельскохозяйственных рабочих. Но труд их не может поглотить ни фабрично-заводская промышленность, ни горное дело, ни, даже, при современных условиях, земледелие.

Приведенные выше цифры вполне определяют физиономию промышленной жизни России: земледелие является главным занятием нашего многомиллионного народа. Опыт и наука Западной Европы говорят, что капитализация в земледельческой промышленности наталкивается на такие чисто стихийные условия, что является невозможной. Опыт русской жизни показывает, что основное занятие российского населения становится все в большую и большую зависимость от стихийных условий, продукт человека в

⁹ Производит[ельные] силы России. [Краткая характеристика различных отраслей труда – соответственно классификации Выставки / сост. под общ. ред. В. И. Ковалевского; Выс. учрежд. Комис. по заведыванию устройством Всерос. пром. и худож. выст. 1896 г. в Н.-Новгороде. СПб., 1896].

¹⁰ Хозяин. 1896 . № 29.

¹¹ Вместе с Польшей и Финляндией, где фабрично-заводская промышленность более развита, чем в остальной России.

этой области обесценивается вследствие хищнического отношения к дарам природы. Отчего все это происходит? Оттого, скажем мы, что обрабатывающая промышленность нам ослепили глаза, оттого, что капиталистическое производство обратилось в азартную игру, оттого, что происходит отделение внеземледельческого промысла от земледелия, на которое никто не обращает внимания; оттого, что благодаря высокой пошлине, без которой наш капитализм не может конкурировать с иностранным продуктом, даже на собственном внутреннем рынке, производительностью труда пользуется не все общество, а только отдельные предприниматели. В дальнейшем своем развитии капитализм встречает препятствия, им же самим созданные: будучи основано исключительно на потребностях внутреннего рынка, капиталистическое производство находится в полнейшей зависимости от платежных способностей беднейшего населения, беднейшего вследствие отнятия капиталом внеземледельческих промыслов, капитализацией их. Зависимость нашего фабрично-заводского производства от земледелия и платежных сил населения рельефно сказалось после голода 1892 г. Производство в 1892, 1893 и 1894 г. значительно сократилось, торговля упала. 30-го янв[аря] 1895 г. московский фабрикант С. И. Прохоров прочел в «обществе для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности» доклад¹², в котором констатировал, что торговля ситцем за эти три года все ухудшалась и является худшей по оборотам за последние 10 лет. Выработка на фабриках сократилась на 1/2 и на 2/3 нормального количества, что, конечно, должно сократить число занятых рабочих. Нынешняя и прошлогодняя нижегородская ярмарки вследствие дешевизны хлеба и неимения денег в народе прошли плохо. Все это показывает, что уменьшение платеж-

¹² Вестн[ик] фин[ансов], [промышленности и торговли]. 1895. № 6.

ных средств у земледельческого населения отражается и на уменьшении производства в обрабатывающей промышленности, которую мы стараемся привить за последнее тридцатилетие к нашему сельскому хозяйству. «Не с легкомысленной радостью или запоздалым и бесполезным сожалением мы встречаем» эту форму производства, говорят нам: она, в конце концов, «наряду с жизненным опытом и наукой Запада» разрешит все затруднения и задачи.

Мы согласны, что средство не должно быть изобретаемо головой, но при помощи мысли оно должно быть найдено в наличных материальных условиях нашего народного хозяйства, производства и обмена. Мы не будем удовлетворяться ни той формой мелкого домашнего хозяйства, которая нас никогда не удовлетворяла, ни той, которая ее сменяет и которую мы искусственно насаждаем в ущерб благосостоянию многомиллионного населения, ни формую западноевропейского капитализма. Перед русским обществом, говорит Ник[олай] – он, стоит великая, крайне трудная задача, но задача не невозможная – это «развить производительные силы населения в такой форме, чтобы ими пользовалось не незначительное меньшинство, а весь народ»¹³.

¹³ Не имея возможности в небольшой провинциальной газете вполне ясно обосновать свои положения, мы отсылаем читателя к статьям Ник[олая] – она, Кудрина^{xvii}, Зака^{xviii}, Михайловского, помещенным за последние 2 года в «Русск[ом] Бог[атстве]», к статьям Гольцова^{xix} и др., напечатанным в «Русской Мысли», к статьям С. Кривенко^{xx}, В. В.^{xxi} и др. в «Новом Слове», «Очеркам [нашего] пореформенного [общественного] хозяйства» Ник[олая] – она, «Судьбам капитализма в России» В. В., исследованиям Фортунатова^{xxii} и Карышева^{xxiii}, Кареева^{xxiv} и др. Противная сторона – неомарксисты, изложила свои мировоззрения в сочинениях гг. Струве, Бельтова, Волгина^{xxv}, а также в журнальных статьях г. Струве, Ушакова^{xxvi} в «Русской Мысли», Туган-Барановского в «Мире Божьем». Прекрасные статьи о бреслав[ль]ском съезде были напечатаны в виде корреспонденции из Берлина в «Русск[их] Вед[омостях]» в октябре 1895 г. Конечно, для знакомства с экономическими материалами нужно изучить труды экономистов, особенно К. Маркса.

Переходим теперь к конкретным возражениям г. Л. Б. Кр-ну¹⁴. К сожалению, в этой области мы имеем дело не с фактами, а с рассуждениями автора и вместо метода «опыта и наблюдения» мы находим дедукцию, основанную на его идеале и вере в «неизбежную последовательность экономической эволюции». Благодаря тому, что критикуемый автор исходит от общего к частному, мы встречаемся с предвзятым взглядом, с субъективным отношением к действительности, т. е. с тем, в чем сами получили от него упрек. Во всех трех статьях г. Л. Б. Кр-на мы не находим ни одной цифры, если не считать 40 тыс. приисковых рабочих и 40–50 % хлеба, производимого для продажи. Возражать на такую статью довольно трудно уже потому, что для нас неизвестен количественный критерий автора: быть может, он и в Дагомее и у папуасов Полинезии найдет капиталистическую форму производства, как нашел ее у наших северных инородцев. Но, так или иначе, на основании своего обзора от «крупных и дорогих предприятий фабрично-заводской промышленности до избы кустаря», критикуемый нами автор находит капитализм, который торжествует по всей линии Сибири. Делать нечего и нам приходится сделать обзор торжествующему по всей линии капитализму, подсчитать его силы, определить значение его побед и по пути указать на его поражения, подобрать убитых и раненых, а также растерянные трофеи¹⁵.

¹⁴ Цифры и данные мы берем из «Произв[одительных] сил России», соч[инения] «Сибирь и [Великая] Сибирская жел[езная] дор[ога]»^{xxvii}, из статей в словарях Брокгауза и Гарбеля^{xxviii}, «Материалов стат[истических] исслед[ований]»^{xxix}, сочинений Кауфмана^{xxx}, Дубенского^{xxxi}, Явор[ов]ского^{xxxii}, Чудновского^{xxxiii}, из отчетов статистическ[их] комит[етов] и др.

¹⁵ Да не думает читатель, что мы хотим отрицать, что сибирские фабрики, хотя и жалкие, ведутся не капиталом; цель статьи доказать, что капитализму в Сибири далеко до торжества, и на основании имеющихся данных трудно и предвидеть это торжество.

Но прежде чем приступить к этому обзору, спешим оговориться: все, что мы сказали в нашей первой статье относительно Европ[ейской] России, еще в большой степени относится и к Сибири, как к стране в культурном отношении более отсталой, чем первая. Необъятное пространство нашей окраины, в 2 ½ раза превосходящее пространство Европ[ейской] России, редкое население (8 ½ млн), среди которого 38 % или с лишком 3 млн., составляют инородцы, относительная бедность минеральных богатств, распределенных «тонким слоем по поверхности»¹⁶ Сибири, отсутствие путей сообщения — все это такие препятствия, которые немало будут мешать развитию капиталистического производства. Сибирская жел[езная] дор[ога] пересечет Сибирь в одном направлении и будет иметь большое значение для транзита, но вызовет ли она сеть дорог — вот вопрос, который может быть решен скорее в отрицательном, чем в положительном смысле. Громаднейшая часть Сибири останется вне сферы влияния железной дороги. Не надо забывать, что расположение сибирских рек таково, что почти вся Сибирь лежит на водных путях сообщения, которые всегда будут дешевле железного пути; но несмотря на такое удобное водное сообщение промышленность Сибири почти не развивается. Почему же железная дорога должна вызвать оживление промышленности, когда этого не могли сделать более дешевые пути? Но, быть может, промышленность развивается, растет, и только предвзятый «субъективный» взгляд нам мешает видеть действительность? Посмотрим на эту действительность и беспристрастно разберемся в существующей сибирской промышленности. Золото-промышленность своими размерами является самым крупным капиталистическим предприятием Сибири. В 1893 г. в ней было занято 42 тыс. рабочих, а на Урале в тот же год их работало почти 50 тыс. чел[овек]. Ко-

¹⁶ Произв[одительные] силы России.

нечно, по своим размерам Урал не может быть сравним с Сибирью, где золотопромышленные рабочие составляют 1/2 % всего сибирского населения. Большинство рабочих (60 %), особенно в Витимской системе, составляют крестьяне Сибирских губерний, затем идут уроженцы Европ[ейской] России (20 %) и, наконец, ссыльнопоселенцы (20 %). Первые две категории приискателей не прерывают связи с землей и, проработавши на приисках год, два, много три возвращаются в деревню: для них прииски являются отхожими промыслами. Таким образом, здесь мы не имеем постоянного контингента специальных рабочих; только последняя категория, ссыльнопоселенцы, может быть — и то с большой натяжкой — приравнена к постоянным рабочим. В золотопромышленности мы не находим тех производственных отношений, какие существовали даже в мануфактуре. С началом работ на жел[езной] дороге золотопромышленники Енисейской тайги и Забайкалья ходатайствовали чуть ли не о правительственных мероприятиях для принуждения рабочих работать на приисках, а не на жел[езной] дороге. Переходя к движению приисковых рабочих по годам, мы должны отметить падение их общего числа: на 1890 г. их было 45 ½ тыс., а в 1893 г. 42 тыс., т. е. на тысячу человек меньше, чем число рабочих 1882 г. Сокращение числа рабочих на приисках происходит не от того, что технические усовершенствования, приложение машинного труда, вытесняют излишних рабочих, а от того, что золотопромышленность пережила свой кульминационный период и теперь сокращает свое производство. В 1893 г. было добыто золота: в Зап[адной] Сиб[ири] 182 пуда, в Восточной — 1822 п.; в 1894 г. — 168 и 1801; в 1895 г. падение продолжается: в Восточной Сибири золота было добыто 1590 п.¹⁷; в т[екущем] г[оду] в иркутской золотопромышленной ла-

¹⁷ Диаграмма Иркутск[ого] горн[ого] правл[ения] на выставке относительно Зап[адной] Сибири цифры не дает.

боратории ожидается поступление шлихового золота на 100-200 п. меньше, сравнительно с прошлым годом. В 1847 г. в Западной Сибири было добыто 1280 п., а в 1880 г. в Восточной Сибири 1906 п. золота. Таким образом, развитию золотого дела уже положен предел, в следствие, как это замечают «Произв[одительные] сил[ы] России», понижение содержания.

Организация производства на приисках не может быть сравниваема с капиталистической фабрикой, технически хорошо обставленной. Работы производятся самыми примитивными способами. Рассмотрим теперь доходность приисков. Ленское т-во получало чистой прибыли свыше млн. р. только с одного Сухого лога, а остальные 10 приисков работают в убыток; в Олекминской системе только прииск «Верный» дал в течение нескольких лет 7 млн р., а остальные прииски работали через пень-колоду. В Забайкалье за золотое дело брались крупные фирмы, напр., кяхтинцы, но в конце концов бросили его, предпочитая ему торговлю чаем. Года три тому назад гг. М. К. и Б. (все крупные капиталисты) приступили к разработке Джидинских промыслов, затратили большие капиталы, а теперь, насколько нам известно, бросают это дело. В общем, в приисковом деле Сибири работают 6–8 крупных К°, которые по оборотам и числу рабочих, пожалуй, могут быть приравненными к большим фабрикам и заводам Евр[опейской] России, но никак не к европейским, а все остальные предприниматели — это предприниматели средней руки или золотничные и старательские артели. Многие из них живут на счет дохода от приисковых лавок, но никак не от золота.

Хищническая добыча золота, неуменье выработать прииск по возможности дочиста, чему немало препятствуют технические несовершенства, а также уменьшение содержания золота, вызвали 29 ноября 1891 г. издание закона, предоставляющего льготы тем лицам, которые приступили к разработке старых приисков,

отвалов и эфелей^{xxxiv}. Таким образом, золотопромышленность вступила в такой период, когда уже требуются поощрительные льготы для ее ведения, развитию же и дальнейшему расширению производства положен предел самыми физическими условиями. На основании только что изложенных данных, мы с полной основательностью можем сказать, что торжество капитализма в области золотого дела чисто условное, и вместо победы капитала мы видим его отступление по всей линии золотопромышленности, можем подсчитать его потери, раненых и подобрать растерянные трофеи «былой славы». В золотопромышленности одним из побудительных мотивов для предпринимательской деятельности является желание быстро разбогатеть, но это удается очень немногим счастливым, а большинство предпринимателей или разоряется или за убыточностью бросает дело, благодаря чему о приисковом деле у сибирского промышленника коммерсанта сложилось понятие как о лотерейном предприятии.

Все остальные отрасли горного дела в народном хозяйстве Сибири имеют сравнительное значение. В них занято всего 10155 раб[очих], или 0,12 % всего населения Сибири, причем добрая половина этих рабочих не порвали связи с землей.

Добыча серебра, главное местонахождение которого Алтай и Нерчинский округ, за последние 7 лет сократилась на 375 п.: в 1864 г. серебра было добыто 410 п., а в 1887 г. — 75 п. В 1893 г. прекратились работы на Барнаульском, Павловском, Локтевском и Змеевском заводах на Алтае; в 1897 закрывается Гавриловский завод; многие рудники в Нерчинском заводе также прекратили или прекращают свои работы, как прекратили их и заводы в Киргизской степи. На серебряном деле мы видим почти полное крушение производства, о чем наилучше свидетельствуют города Барнаул и Нерчинск, некогда гремевшие на всю Сибирь, а Барнаул даже на всю Россию.

Выплавка свинца сравнительно с семидесятыми годами упала вдвое; в 1893 г. его было добыто, главным образом, на Алтае 48852 п. «Усиления выплавки свинца в будущем ожидать трудно»¹⁸. «Медная промышленность в совершенном упадке»¹⁹. Добыча меди за последние 14 лет сократилась в 4 раза: в 1880 г. ее было выплавлено 57 тыс. п., а в 1893 г. — 14 тыс. п. Это падение продолжается и теперь, несмотря на богатое содержание (33 %) металла на некоторых рудниках. «Размеры чугунно-плавильного и железоделательного производства в Сибири, — читаем мы в “Производительных силах России”, — не могут удовлетворить скромным требованиям ее народонаселения». На всю огромную территорию Сибири работает только четыре чугуноплавильных и железоделательных завода: Гурьевский на Алтае, Петровский в Забайкалье (оба кабинета Его Величества), Абаканский в Ачинско-Минусинском округе и Николаевский в Иркутской губ. Выплавка чугуна в Сибири за 14 л. увеличилась в 1 ½ раза (во всей России в 2 ½ раза), производство железа почти не поднялось, а стали даже понизилось. На всех четырех Сибирских, заводах в 1893 г. было добыто — 431 тыс. п. чугуна, 262 тыс. п. железа и 2 тыс. п. стали. По отношению к количеству, добытому во всей России, чугун составлял 0,6 % (в 80 г. — 1%), железо 0,86 % (в 1880 г. — 1,3 %) и сталь 0,005 % (в 80 г. — 0,011%). Таким образом, несмотря на абсолютное возрастание добычи чугуна, относительно она понизилась в два раза. В 1864 г. за убыточностью закрылся Томский железоделательный завод; в конце восьмидесятых годов Абаканский завод от частного владельца перешел в руки рабочей артели; Николаевский завод также начал хиреть и теперь уже перешел к новому владельцу; но результаты его деятельности таковы, что железо, приготовленное на этом заводе, не будет появляться на ирк[утском] рынке, по-

¹⁸ Производит[ельные] силы России.

¹⁹ Там же.

тому что заводу некогда заниматься частными заказами²⁰; Петровский завод является поставщиком железа для Забайкалья, — но оно там также дорого, как и в Иркутске, благодаря крайне небольшому количеству продукта, добываемого заводом (железа добывается около 750 п. в год).

Чтобы покончить с горнозаводской промышленностью, скажем несколько слов о каменном угле, залежи которого найдены во многих местах Сибири, особенно в Кузнецком округе Томской губ. Производительность всех этих районов на основании официального источника ничтожна. На самом деле — уголь добывается только в Кузнецком округе, где производительность его за 14 лет увеличилась с ½ млн п. до 830 ½ тыс. п. (1894 г.), т. е. составляет 0,1 % всего добытого количества угля в России.

В 1893 г. на всех сибирских рудниках, заводах и промыслах действовали 6 турбин^{xxxv} в 238 [лошадиных] сил и 50 паровых машин и локомотивов в 822 л.с.; а во всей России в этом году в горном деле работали 404 турбины в 21 784 л.с. и 2853 паровых машины в 115 429 л.с., т. е. двигательная сила, употребляемая в горном деле Сибири, составляла менее 0,9 % таковой всей России. Если же к этим силам прибавить водяные колеса, то процент возрастет до 2,4. Распределение двигательной силы служит прекрасной иллюстрацией технической организации сибирской золотопромышленности и горного дела, а, следовательно, и характеризует размер капитализации в этой отрасли промышленности.

Пойдем за автором «Судеб капитализма в Сибири» в обрабатывающую промышленность; быть может, здесь-то мы и найдем торжествующий капитализм, который стойко развивается, побивает мелкую промышленность, обезземеливает мужика и притягивает его на

²⁰ См. письмо в № 129 «Вост[очного] Обзор[ения]».

фабрику. Но и фантазия г. Л. Б. Кр-на, дающая возможность автору рисовать широкие горизонты, здесь не помогает: г. Л. Б. Кр-н признает фабрично-заводскую промышленность в Сибири слаборазвитой. Посмотрим, какое это развитие на самом деле.

«Что же касается до этой промышленности (обрабатывающей), — узнаем мы из «Производительных сил России», — то она вообще находится в Сибири еще только в начале своего развития и пока еще не удовлетворяет местным нуждам, пополняющимся привозом из Европ[ейской] России». Другой официальный источник²¹ говорить: «несмотря на неоднократные попытки правительства и частных лиц водворить в Сибири крупную промышленность, фабрики и заводы устраивались там лишь с большими затруднениями, причем имели успех (?) только те из них, которые служили к удовлетворению местных потребностей немногочисленного населения, или производили настолько ценный фабрикат (?), что он с выгодой мог пользоваться отдаленной перевозкой». Г[осподин] Яворовский в своем докладе «Горная промышленность Сибири и Сибирская жел[езная] дор[ога]» категорически заявляет, «что неоднократные попытки правительства и частных лиц насадить в Сибири крупное капиталистическое производство в виде фабрик и заводов потерпели неудачу и ни к чему не привели».

Можно было бы удовлетвориться этими цитатами, махнуть рукой на пресловутое капиталистическое производство и перейти к кустарным промыслам, но разберемся в вопросе более детально. Во всей обрабатывающей промышленности занято от 33 до 35 тыс. рабочих, или 0,4 % всего населения Сибири (оборот до 22 млн р.). Громадное большинство этих рабочих работают на фабриках и мастерских sporadически, не прерывая связи с землею 35 тыс. рабочих число само

²¹ Сибирь и Великая Сиб[ирская] жел[езная] дор[ога].

по себе ничтожное, уменьшится более чем на половину, если принять во внимание, что в числе фабрик и заводов обыкновенно регистрируются мельницы, кузницы, мастерские и т. п. учреждения с двумя-тремя рабочими. Механических заводов в Сибири нет, за исключением Курбатовского в Тюмени, который работает исключительно для нужд своего пароходства. Точно так же мастерские в Лиственичном и на Амуре работают для той же цели. Первое место в обрабатывающей промышленности по размерам оборота принадлежит мельницам, большинство которых поставлены доморощенными мастерами и ни в коем случае не могут быть приравняемы не только к фабрике, но даже к мало-мальски устроенной мастерской. Между тем, в одной Томской губ. в мельничном деле работает 6 ½ тыс., (из них 270 человек на 8 паровых мельницах), половина всего числа рабочих губернии. Во всех странах мукомольное дело было развито задолго до наступления проблесков капиталистического производства, а потому основывать на нем, хотя бы часть, свои обобщения, но меньшей мере наивно.

Второе место в обрабатывающей промышленности по размерам принадлежит винокурренным, водочным и пивоваренным заводам. В Сибири их насчитывается 88 с 2610 рабочих и общим оборотом в 5365 тыс. р. В винокуренном производстве мы встречаемся и с картелированием: винозаводчики поделили между собою округа, благодаря чему удерживают на рынке высокие цены. Но несмотря на это у нас в Сибири нет ни одного завода, который по размерам производства, по оборудованию, по капиталам мог бы быть приравнен к большому винокуренному заводу Европ[ейской] России. Сбыт продуктов винокуренных заводов всецело ограничивается местным рынком, барыши же получаются не от технических усовершенствований, увеличивающих прибавочную стоимость, а от удачной спекуляции с хлебом. Какое влияние окажет, на винокуренное про-

изводство жел[езная] дор[ога] — это вопрос и вопрос спорный: водка и спирт из Европ[ейской] России явятся серьезными конкурентами на Сибирском рынке.

Кожевенные, салотопенные, мыловаренные и т. п. заводы занимают третье место в бюджете обрабатывающей промышленности Сибири. Оборот этих заводов равняется 3056 тыс. р., а число рабочих доходит до 2750 человек. Но обработка животных продуктов стоит на очень низкой ступени развития, и только тюменский завод бр. Андреевых, может быть приравниваем к кожевному заводу средней руки в Европ[ейской] России.

Уж кажется что, а обработку продуктов скотоводства в Сибири можно было бы поставить удовлетворительно, но и здесь мы ковыляем с правой ноги на левую. Кому не известно сибирское масло, понизившее цену на русское масло, даже в Москве; между тем оно вытапливается в избах крестьян Курганского, Ишимского и др. уездов Тобольской губ. Останавливаться на суконном, содовом, солеварном, спичечном, кирпичном, писчебумажном, фарфоровом, гончарном и др. производствах мы не будем, так как они по своим оборотам в общей сумме оборота обрабатывающей промышленности не заслуживают серьезного внимания и, за исключением суконной, писчебумажной, фарфоровой фабрик, свекло-сахарного и двух-трех других заводов, они по размерам своего производства ближе стоят к кустарным или ремесленным заведениям, чем к фабрично-заводскому производству. Большинство из них находятся в большой зависимости от рабочего.

Мы не знаем, сколько было неудачных попыток в Сибири насадить крупное производство, на что указывает «Сибирь и сибирская жел[езная] дор[ога]» и г. Яворовский. Относительно же Кяхты мы имеем на этот счет кое-какие сведения и приведем их, так как Кяхта является средоточием крупных капиталистов. В шестидесятые годы в Усть-Кяхте работал ко-

жевенный завод Ременникова, на Дуренах имелись кожевенный, мыловаренный и свечной заводы М. О. Немчинова; дела на этих заводах велись в широких размерах и с большими капиталами; сбыт прекрасный — под боком Монголия; но все эти заводы к восьмидесятым годам рухнули: вместо одного большого завода явился целый ряд мелких заводиков гг. Пятовского, Смолева и др., ведущих дело в избах, в то время как здания и стены завода Ременникова повествуют о былом величии «капитализма». Мыловаренное производство также измельчало, а стеариновое и свечное совсем исчезло; между тем в Кяхте, казалось бы, и быть кожевенному, свечному, стеариновому и мыловаренным заводам — ведь на одну ширку^{xxxvi} чая ежегодно уходит несколько сот тысяч кож, получаемых наполовину из Монголии. Но в Кяхте, хотя имеются капиталы, нет свободных, в двояком смысле слова, рабочих, и вот, несмотря на дешевизну сырых материалов, капиталистическое производство падает; мужик, казак и бурят не выражают желание идти на фабрику. Вероятно, и в других местах Сибири на той же причине не удалась попытка насадить капиталистическое производство.

Мы подробно остановились на горном деле и обрабатывающей промышленности²², осмотрели почти все существующие производства, видели фабрики и заводы, которые в наше время, конечно, ведутся капиталом, скажем, даже, «капиталистически», подсчитали рабочих, познакомились с денежными оборотами производства, и в конце концов получили такой результат, что говорить о каком бы то ни было торжестве «капитализма» слишком преждевременно. Горная и обрабатывающая промышленность (мы не говорим о золотопромышленности, которая уже не может и не будет

²² Если ко всему числу горных и фабрично-заводских рабочих прибавить рабочих, занятых перевозкой то число их, быть может, дойдет до 150 тыс. ч[еловек], т. е. 2 % всего населения.

развиваться) настолько еще слабо развиты в Сибири, столько они потерпели неудач, что предсказывать наступление капиталистической эры производства на основании их по меньшей мере, не основательно.

Мы начали наш обзор, подобно автору «Судеб капитализма в Сибири» с «крупных и дорогих предприятий и спустились до избы кустика крестьянина» ...Какого кустаря, вероятно, спросит нас читатель? Где вы нашли этого кустаря в Сибири? Кустарь есть, если не во всей Сибири, то в некоторых уездах Тобольской губ., где «кустарный промысел имеет достаточное развитие»²³. Но Тобольская губерния еще не вся Сибирь; по своему характеру она ближе стоит к Европ[ейской] России, чем к остальной Сибири. Посмотрим, какие же кустарные промыслы существуют в остальной Сибири. Открываем «Произв[одительные] силы России»: в Алтайско-Кабинетском и Томском подотделах о кустарях не сказано ни слова; в Иркутской губ. «кустарные промыслы сельского населения еще мало развиты и состоят главным образом в связи с земледелием, скотоводством, лесным и звериным промыслами»; в Приамурском крае — кустарная промышленность начинает только зарождаться, в Забайкальской области она «слабо развита», хотя «в последние годы начали появляться в области новые для края ремесла, напр., седельное»: кустари в Читу доставляют до 250 (!) седел ежегодно. Так характеризует кустарные промыслы один официальный источник, другой же («Сибирь и Великая Сибирская дорога») высказывается еще резче: «значение всех перечисленных неземледельческих заработков (в том числе и Тюменских) в общей экономике Сибири, и в частности — ее земледельческой полосы, совершенно ничтожно в сравнении с той ролью, которую играет и особенно играл в прежнее время главный сибирский тракт».

²³ Произв[одительные] силы России.

Такова картина кустарных промыслов в Сибири, между тем, автор «Судеб капитализма в Сибири» нарисовал нам мрачную картину постепенного падения этого еще не существующего промысла и низвел или по крайней мере предсказал нашим кустарям будущность ткачей Гауптмана. Для доказательства своего идеологического положения он сделал экскурсии в область кустарной промышленности Европ[ейской] России, и нужно сознаться, весьма неудачно. Так, напр., он заявляет, что в Европ[ейской] России «уже нет теперь кустарной, хлопчатобумажной, прядильной и ткацкой промышленности: перейдя сначала в “домашнюю форму”, она была “затем” совершенно убита машинным прядением и ткачеством». Между тем этот род кустарной промышленности худо или хорошо продолжает существовать: она, как и тканье полотен и холста, стоит на значительной степени развития в Ярославской, Московской, Владимирской и Костромской губ., а также распространена и во многих других местностях России; в Московской губ. бумаготкацким промыслом (ручным ткачеством) занято до 10 % населения. Ткачество тонких полотен, фасонных тканей даже в Европе конкурирует с машинным производством, так как полотна ручной работы, хотя по цене значительно дороже, по качеству выше. В первой нашей статье мы указали, что кустарные промыслы вновь возникают в Англии и существуют в других странах Европы. Мы не отрицаем, что борьба между крупной фабрикой и мелким кустарем, борьба для последнего тяжелая, часто не по силам: крупная промышленность, помимо капитала, пользуется и кредитом и усовершенствованными машинами, и знаниями и т. д., т. е. всем тем, чего пока нет у кустаря. Но несмотря на это Нижегородская выставка, куда явились кустари из 37 губ., вовсе не показала упадка кустарного дела. По официальным данным, число кустарей в России превышает 7 млн чел[овек], т. е. их

в 6 раз больше, чем фабричных рабочих; заработок кустарей превышает 120 млн р. На самом деле кустарей еще больше, а их годовичная производительность доходит до нескольких сот миллионов. Исследования кустарной промышленности, предпринятое за последнее время, преимущественно земствами, констатировали важное значение этой промышленности в народном хозяйстве. Эти же исследования указали на необходимость принятия целого ряда мероприятий, необходимых для упорядочения кустарного промысла, как-то: устранения торговцев посредников при покупке сырья и сбыте изделий, устройства складов и музеев, дешевого кредита, организации общих и специальных школ, учебных мастерских, рисовальных училищ, введения усовершенствованных инструментов и т. д. Некоторые земства уже приступили к введению этих мероприятий, а Пермское земство даже устроило первый в России кустарный банк. Несмотря на то, что все эти меры введены в самое последнее время, влияние их уже сказалось. «Друзья народной промышленности, — говорит проф. Ивановов в IX кн. “Русск[ой] Мысли”, — с удовольствием отмечали значительный прогресс кустарного производства во всех тех губерниях, где земства осуществляют симпатическую программу мероприятий для его развития»^{xxxvii}. В течение 30 с лишком лет капиталистическая промышленность развивалась в России, охраняемая таможенным тарифом, и мы почти не знаем примера исчезновения кустарного промысла, но если мероприятия, о которых мы только что говорили, примут более широкую форму и помогут укрепить кустарной промышленности, тогда капитализму уже будет трудно побороть ее.

В Сибири, где кустарные промыслы только что начинаются, развитие этой формы промышленности весьма желательно в интересах местного населения, особенно после неизбежного с проведением жел[ез-

ной] дор[оги] падения извозного промысла. А потому все мероприятия, клонящиеся к улучшению и поддержанию кустарного промысла так же необходимы по сю, как и по ту сторону Урала.

Мы несколько уклонились в сторону от прямой цели настоящей статьи, но возражать г. Л. Б. Кр-ну в области кустарной промышленности нечего, так как ее нет в Сибири за исключением Тобольской губ., где оборот кустарной промышленности равняется нескольким сотням тысяч руб. Развитие кустарных промыслов в названной губ[ернии] объясняется относительной бедностью и существующей там низкой заработной платой. Казалось бы, здесь более, чем где-либо, имеются в наличности условия для создания капиталистических предприятий, а между тем Тобольская губерния по размерам производства значительно отстала от других губерний Сибири: все фабрично-заводское производство ее равняется 4 ½ млн р. при 8 тыс. рабочих, т.е. значительно меньше, чем дают вместе кустарный, кедровый, рыбный, звероловческий промыслы, не говоря уже о скотоводстве. Не доказывает ли это наглядно бессилие сибирского «капитализма»? Что же касается домашней формы капиталистического производства, о которой распространяется г. Л. Б. Кр-н, то заметим ему, что «домашняя форма» может быть только в стране капиталистической, какой нельзя считать Сибирь, а тем более Тобольскую губ. Автор совершенно справедливо говорит об эксплуатации кустаря скупщиками продуктов его труда; никто этого не отрицал и не отрицает; но эту форму эксплуатации мы найдем и у современных дикарей и у древних народов: она присуща всем временам и странам, где только существовала торговля и какие бы то ни были производства. Но мы не сомневаемся, что при правильной организации продажи кустарных изделий и покупки кустарем сырья, эта эксплуатация легко может исчезнуть.

Мы шаг за шагом разбираем приводимые автором доказательства будущности капитализма в Сибири и находим, что все они слишком недостаточны для обоснования выводов г. Л. Б. Кр-на, и некоторые из них даже ошибочны. Если мы возьмем всю сумму денежных оборотов горной, обрабатывающей и кустарной промышленности, то она окажется в несколько раз меньше стоимости голов одного крупного скота. Во всей Сибири насчитывается 5661 тыс. лошадей, 4023 тыс. рогатого скота, 250 тыс. верблюдов, 315 тыс. оленей и 13 202 тыс. гол[ов] мелкого скота. Считая в среднем стоимость лошади и коровы около 20 р., ценность одного крупного скота, без верблюдов и оленей, будет около 200 млн р., стоимость же всего скота свыше полмиллиарда руб. Отсюда с большим основанием можно сделать вывод, что Сибирь скорее скотоводческая, чем капиталистическая страна.

Самый факт наличности громадной массы скота говорит, что в такой стране земледелие, при условии свободных земель, должно не падать, а развиваться. Действительно земельные отношения в Сибири во многом разнятся от таковых Европ[ейской] России, не говоря уже о других странах Европы. В Сибири мы не встречаемся с безземельными крестьянами и почти не знаем батрачества. Если спорадически мы наталкиваемся на батрачество, то при ближайшем ознакомлении оказывается, что батраком являются еще не приспособившийся к условиям ссыльнопоселенец или новосел-одиночка. Но обыкновенно нередко ссыльнопоселенец и почти всегда новосел приспособляются и делаются хозяевами. В общем сибирский крестьянин значительно зажиточнее своего зауральского собрата. В Сибири не раз делались попытки привить крупное хозяйство, но все они кончились полнейшей неудачей по той простой и ясной причине, что для обработки земли не находилось рабочих рук, и землевладелец, будучи не в состоянии обра-

ботать землю сам лично, бросал ее. Отсутствие безземельных крестьян будет всегда служить тормозом для развития крупного сельского хозяйства в Сибири. Рабочие же из Европ[ейской] России за дальностью расстояния вряд ли дадут необходимый контингент рабочих рук.

«Само собой разумеется, — читаем мы в “Производ[ительных] сил[ах] России”, — что главное занятие оседлого русского населения Сибири и основной источник его благосостояния есть земледелие». «Вся экономическая судьба населения культурной полосы Сибири, — говорит автор соч[инения] “Сибирь и Великая Сибирск[ая] жел[езная] дорога”, — всецело определяется положением земледелия и тесно связанного с ним скотоводства; хороша земля — население достигает высокой степени зажиточности и растет, как естественным путем, так и путем наплыва пришлых элементов; земля плоха — население нередко расплзается искать лучших мест для поселения». Земледелием в Сибири занимается свыше 1 ½ млн взрослых работников, производящих с избытком все количество хлеба, необходимое для собственного потребления. Избыток этот идет на прииски, винокуренные заводы, потребляется жителями неземледельческой полосы Сибири; со временем, вероятно, он пойдет в большем количестве, чем теперь, в Монголию, но вряд ли будет возможен сбыт его, кроме исключительных случаев, за Урал. Вот почему и желательно в интересах, населения появление промыслов, тесно связанных с обработкой продукта земледелия, а также распространение культуры технических растений.

Капитализм в Сибири наталкивается еще на большие предприятия, чем те, какие мы указали в первой нашей статье для Европ. России и земледельческих стран. Мы не отрицаем присутствия в сибирской деревне кулака, но значение его здесь несравненно меньше, чем значение кулака в деревне Европ[ей-

ской] России. Борьба с ним и здесь, как и в Европ[ейской] России, возможна. Мы также признаем его за зло, и зло не меньше, чем капитализм; но мы не верим ни в миссию кулака, ни в миссию капитализма произвести обобществление труда в земледельческой промышленности. Мы никогда не говорили, что сибирское земледелие сохраняет формы первобытного натурального хозяйства. Мы только указываем, что в Сибири наряду с самыми древними формами владения землею, исчезнувшими во всем цивилизованном Западе и Европейской России, существует целый ряд иных форм владения; но только не находим тех чистых индивидуалистических форм народного хозяйства, которые, напр., являются господствующими во Франции. В настоящее время на всем беспредельном пространстве Сибири, от Урала до Амура и от китайской границы до Якутской области и северных уездов Енисейской и Тобольской губерний, совершается грандиозная работа создания общины. Исходным пунктом этой эволюции служит первобытная форма пользования землею, заключающая в себе зародыши и индивидуального и общинного владения; но развитие совершается исключительно в общинном направлении. В Сибири мы видим, как крупные волостные общины разлагаются на более мелкие общины, но они никогда не переходят в чистое подворное владение, и в этом отношении, как и во многих других, капитализм является бессильным изменить эволюцию народного хозяйства в желательную для себя сторону. Существование сибирской общины есть результат бытовых, экономических и физических причин: но главная основа ее лежит в глубоко вкоренившемся в душе каждого русского крестьянина воззрении на землю, вызывающем в населении идею о праве общины распоряжаться землею, это сознание никогда не исчезало, несмотря на все перипетии, пережитые и переживаемые общиной.

Г[осподин] Л. Б. Кр-н игнорирует действительность; между тем, в области сельского хозяйства он мог бы собрать много любопытных данных, иллюстрирующих нашу мысль, напр., хотя бы то явление, которое сейчас совершается в Австрийской Галиции и говорит о высоком культурном и политическом росте русинских и польских крестьян, или ту грандиозную общину-артель, которая развернулась на р. Урале у казаков. Сам автор в заключении своей статьи признает, что капитализм в сибирской деревне пока не оказывает заметного влияния на форму производства и «не концентрирует здесь земледельческое хозяйство в руках крупных владельцев (которых нет в Сибири), не вводит машин и совершенных способов обработки (в Забайкалье и на Амуре это делают сами крестьяне и казаки), не сосредоточивает массы рабочих в имениях землевладельца». Спрашивается: зачем же было и огород городить, когда этого всего в Сибири нет? Но зато в сибирской деревне есть кулачество и задолженность, и это оказывается достаточным для признания капитализма в сиб[ирской] деревне. Слишком недостаточно для такого заключения! что мы уже выяснили выше. Относительно же «задолженности», «отработки» и «батрачества» прибавим, что все эти формы зависимости не могут быть сравнимы с таковыми Европ[ейской] России, где мы также не находим условий для развития капитализма.

Для доказательства наступающего торжества капитализма в Сибири, автор указывает, что китоловный и котиковый промыслы, так же добыча (?) пушного зверя ведутся акционерными компаниями; «но остатки родовых организаций и первобытного строя не спасают инородцев от влияния капитала». Безусловно верно, и мы еще ни от кого не слыхали противного! Да разве возможно утверждать, что китобойный и котиковый промыслы ведутся без капитала? Они требуют таких громадных затрат, что при современ-

ных условиях, иначе вести дело и невозможно. Но ведь эти промыслы находятся чуть ли не на полюсе и на Сибирь не оказывают ни малейшего влияния, да и их песенка спета вследствие уменьшения зверя, явившегося результатом хищнического истребления котиков, бобров, моржей и т. д.: в настоящее время котиков убивается по 17 тыс. шт. ежегодно, вместо прежних 60 тыс. Положение инородцев в рыбном и пушном промысле, благодаря вмешательству капитала, крайне неутешительно. На сев[ерных] реках Сибири развит мелкий рыбный промысел, особенно на Оби. Эти мелкие промышленники всецело живут трудом инородца, который от них получает материал для невода, хлеб, лодку и т. п. и за это отдает промышленнику половину улова, а вторую половину сдает ему же по заранее установленной цене в обмен на табак, водку, чай и пр. продукты, цена на которые устанавливается опять-таки самим промышленником. Таким образом, капитализм здесь прививается в более чистой форме, чем где бы ни было в другом месте Сибири: производитель отделен от средств производства; но сходство обского капитализма с капитализмом Зап[адной] Европы этим начинается и этим кончается. Далее уже идет своеобразный обмен «не по рыночным ценам»: все добываемое инородцем доводится до *minimum'a*, а все необходимое оценивается значительно выше действительной стоимости, или, другими словами — совершается сделка, караемая уголовными законами. Результатом такого положения вещей является вечная задолженность инородца и вытекающая отсюда закабаленность его у промышленника. Мелкий промышленник в свою очередь находится почти в такой же зависимости от немногих крупных предпринимателей, являющихся для него «благодетелями». В результате таких «производственных отношений» получается в полном смысле безотрадная картина угасания инородческих пле-

мен, которую констатируют все исследователи²⁴. Если бы автор «Судеб капитализма в Сибири» спустился с объективных высот, то он, вероятно, не сказал бы следующей фразы: «когда при нас обсуждают вопрос о судьбе сибирских инородцев, в нас невольно возникает сомнение: если нации, подарившие миру Оуэнов, Декартов, Линкольнов, не могли разрешить его в соответствии с принципами гуманности и справедливости, то сможет ли бедная, темная и полуневежественная страна сделать это иначе?» (sic). Если ничего подобного не было сделано до сих пор, то это еще не значит, что с «капиталистической цивилизацией» борьба невозможна. Не склоняться должно цивилизованное общество на рубеже 20-го ст. перед неизбежной последовательностью экономической эволюции, а бороться с теми уродливыми и безнравственными факторами, которые характеризуют эпоху Кортеса и Пизаро и являются анахронизмом в конце 19 ст. Объективное отношение к страданиям людей немислимо в культурном человеке — он должен бороться против зла, он должен уменьшать сумму страданий среди человечества. Если имена Оуэнов и Линкольнов вспоминаются человечеством с благодарностью и мы ими гордимся, то не значит ли это, что их работа высоко ценится и их попытки не были бесплодными? Повторяем, что величайшая и благороднейшая задача мыслящей личности изучать действительные отношения

²⁴ На Новой Земле, как это мы указывали в нашей статье о северном отделе на Нижегородской выставке, уже приняты меры для защиты самоедов от хищнической эксплуатации промышленников-торговцев: покупка продуктов промысла самоедов производится при помощи особого агента, который привозит на Архангельский рынок, звериные шкуры рыбу и проч. Здесь тем же агентом покупается все необходимое для инородца. По словам официального источника, а также свидетельству г. Мамонтова, организовавшего «Север России» на Нижегород[одской] выставке, эта мера оказала благотворное влияние на быт и экономическую сторону жизни самоедов.

и условия, изменять и направлять их на общее благо. В этом залог нашей будущности, нашего счастья.

Мы подробно остановились на статье г. Л. Б. Кр-на, и в современной экономической жизни Сибири не нашли указанных им условий для естественного развития капитализма, подкрепили наши взгляды цифровыми и фактическими данными и, резюмируя все сказанное, повторяем тоже, что сказали в Нижегородской лекции: перед Сибирью два пути!..

Примечания

ⁱ Имеется в виду перевод, выполненный для первого русского издания работы экономистом и статистиком П. П. Румянцевым (1870–1925): Маркс К. Критика некоторых положений политической экономии = (Zur Kritik der Politischen Oekonomie) / пер. с нем. [П. П. Румянцева], под ред. [и с предисл.] А. А. Мануилова. М.: Владимир Бонч-Бруевич, 1896. XV, 160 с.

ⁱⁱ Часть известного со слов Ф. Энгельса заявления Маркса: «tout ce que je sais, c'est que moi, je ne suis pas marxiste» (фр.) — «я знаю только то, что сам я не “марксист”».

ⁱⁱⁱ Виссон — название тончайшей ткани (белого или золотистого цвета), являвшейся в древности предметом роскоши. Именовалась нередко «морским шелком», поскольку материалом, из которой изготавливалась, полагают нить, выделяемую некоторыми видами моллюсков. Пурпур — краситель красновато-фиолетового цвета, также извлекавшийся из морских моллюсков.

^{iv} cotes foncieres (фр.) — здесь: собственники мелких земельных участков.

^v Потребность в уточнении данной ссылки была вызвана тем, что автор ошибочно указал в качестве источника статью «Земледелие» в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, размещенную в том же томе и принадлежащую тому же автору.

^{vi} См. примечание ⁱ к статье Л. Б. Красина.

^{vii} См. примечание ⁱⁱ к статье Л. Б. Красина.

^{viii} Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919) — экономист, один из представителей «легального марксизма», автор работ по истории и теории социализма.

^{ix} На съезде Германской социал-демократической партии, проходившем в Бреславле (Бреслау) 6–12 октября 1895 г., в ходе обсуждения проекта аграрной программы возникли

разногласия между сторонниками (А. Бебель и В. Либкнехт) и противниками (К. Каутский, К. Цеткин) превращения пролетарской партии в «общенародную».

^x Бебель Август (1840–1913) — деятель немецкого и международного рабочего движения, один из основателей и руководителей германской социал-демократии и 2-го Интернационала.

^{xi} Либкнехт Вильгельм (1826–1900) — деятель немецкого демократического и рабочего движения, один из основателей и руководителей Социал-демократической партии Германии.

^{xii} Фольмар Георг фон (1850–1922) — политик, первый председатель баварского отделения Социал-демократической партии Германии.

^{xiii} Каутский Карл (1854–1938) — один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и 2-го Интернационала.

^{xiv} Михайловский Николай Константинович (1842–1904) — идеолог русского народничества, социолог, публицист, литературный критик и общественный деятель. В статье И. И. Попова упоминается письмо К. Маркса не Михайловскому, а в редакцию журнала «Отечественные записки», на страницах которого появилась в октябре 1877 г. статья последнего «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского». Письмо, однако, осталось неотправленным, и было обнаружено Энгельсом в бумагах Маркса уже после его смерти. Первая публикация состоялась в 1886 г. в «Вестнике Народной воли»; в легальной печати было опубликовано в октябре 1888 г. в журнале «Юридический вестник». В тексте Маркса внимание Попова (да и многих других народников) привлекли следующие слова, зачеркнутые в рукописи письма автором: «Я пришел к такому выводу. Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 119).

^{xv} Пимен — в тексте статьи используется в смысле «летописец», с отсылкой к образу персонажа трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов», монаха-летописца Чудова монастыря.

^{xvi} Николай — он — псевдоним Николая Францевича Даниельсона (1844–1918) — экономиста, публициста, переводчика «Капитала» К. Маркса на русский язык, одного из идеологов и теоретиков либерального народничества.

^{xvii} Кудрин Н. Е. — псевдоним Николая Сергеевича Русанова (1859–1939) — политического деятеля, публициста, участни-

ка народнических кружков конца 1870 — начала 1880-х гг., сотрудника журналов «Дело», «Русское богатство». В 1882–1905 гг. в эмиграции.

^{xviii} Зак Лев Сергеевич (1869–?) — экономист-народник, публицист.

^{xix} Гольцев Виктор Александрович (1850–1906) — журналист, публицист, ученый, приват-доцент юридического факультета Московского университета, редактор «Юридического вестника», «Русской мысли».

^{xx} Кривенко Сергей Николаевич (1847–1906) — публицист и общественный деятель народнического направления, редактор журналов «Русское богатство», «Новое слово».

^{xxi} В. В. — псевдоним Василия Павловича Воронцова (1847–1918), экономиста, социолога, публициста, теоретика народничества.

^{xxii} Фортунатов Алексей Федорович (1856–1925) — агроном, экономист и статистик. Научную и преподавательскую деятельность сочетал с непосредственным участием в статистических работах земств.

^{xxiii} Карышев Николай Александрович (1855–1905) — экономист, статистик, земский деятель, публицист. Работы посвящены преимущественно вопросам сельского хозяйства, экономике крестьянского хозяйства

^{xxiv} Кареев Николай Иванович (1850–1931) — историк либерально-народнического направления, критик марксистского «экономического материализма».

^{xxv} Волгин А. — псевдоним Г. В. Плеханова.

^{xxvi} Ушаков С. — псевдоним Г. В. Плеханова.

^{xxvii} Имеется в виду издание: Сибирь и Великая Сибирская железная дорога / М-во фин. Деп. торговли и мануфактур. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1896. 283 с. Первое издание книги увидело свет в 1893 году и было приурочено к Всемирной Колумбовой (посвященной 400-летию открытия Америки) выставке в Чикаго.

^{xxviii} «Настольный энциклопедический словарь» товарищества «А. Гарбель и К°» выходил в Москве с 1891 г. В 1892 г. издательские права были приобретены А. Н. Гранатом и с 4-го тома издание словаря было продолжено товариществом «А. Гранат и К°». Начиная с 7-го издания, словарь выходил под названием «Энциклопедический словарь Гранат».

^{xxix} «Материалы статистических исследований» — используется для обозначения обозначения опубликованных результатов хозяйственно-статистических исследований, осуществ-

вленных в 1886–1892 гг. Министерством земледелия и государственных имуществ в четырех губерниях Западной (Тобольская и Томская) и Восточной (Иркутская и Енисейская) Сибири, выходявших под названиями, соответственно: «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев...» и «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения...».

^{xxx} Кауфман Александр Аркадьевич (1864–1919) — экономист и статистик. В 1887–1906 служил в Министерстве земледелия и государственных имуществ. Непосредственный участник западно-сибирских хозяйственно-статистических экспедиций, в ходе которых собрал обширный материал по экономике крестьянских хозяйств Сибири. В 1897 г. увидит свет его работа «Крестьянская община в Сибири: По местным исследованиям 1886–1892 гг.», которая обобщит результаты сибирских исследований.

^{xxxii} Дубенский Михаил Маркович (?–1932) — статистик и публицист. По окончании Новороссийского университета кандидатом прав работал в земской статистике Орловской и Саратовской губерний. В составе экспедиции Министерства земледелия и государственных имуществ проводил хозяйственно-статистические исследования в Иркутской и Енисейской губерниях. Служил чиновником в канцелярии иркутского генерал-губернатора. Сотрудничал в газете «Восточное обозрение».

^{xxxiii} Яворовский Петр Казимирович (1862–1920) — геолог, горный инженер. И. И. Попов неоднократно ссылается в своей статье на его сообщение «Горная промышленность Сибири и Сибирская железная дорога», опубликованное на страницах «Известий Общества горных инженеров» (1894. № 7), а в следующем году — отдельным оттиском (СПб., 1895. 38 с.).

^{xxxiiii} Чудновский Соломон Лазаревич (1849–1912) — народник, политический ссыльный. В Сибири активно занимался изучением крестьянской общины и переселений. В Иркутске, в том числе в изданиях Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества, были опубликованы его работы «Переселенческое дело на Алтае (стат.-экон. очерк)» (1889), «Данные к статистике торговли и промышленности гор. Иркутска» (1888), «Волостной суд на Алтае» (1896).

^{xxxiv} Эфель — мелкая и легкая фракция горной породы, выносимая водой при промывке россыпного или при обработке рудного золота. Часто содержит значительное количество очень мелкого золота, которое добывается при дальнейшей обработке.

^{xxxv} Турбина или турбина (от лат. turbo – кружение, вращение) – лопаточный двигатель (в рассматриваемый период – горизонтальное водяное колесо) преобразующий энергию воды, пара, газа в механическую энергию.

^{xxxvi} Ширка или ширить – зашивать чай в кожи. Китайский чай с целью защиты от влаги во время продолжительной перевозки зашивали в шкуры шерстью внутрь. Ширка чаев происходила в специально построенных для этих целей ширельнях.

^{xxxvii} Автор цитирует статью профессора-экономиста Ивана Ивановича Иванюкова (1844–1912) – в силу закрытия Петровской земледельческой академии (где занимал кафедру политической экономии и статистики) работавшего в те годы в журнале «Русская мысль» и составлявшего ежемесячные обзоры провинциальной жизни – «Очерки провинциальной жизни» (Русская мысль. 1896. Кн. 9. С. 140).

Публ. и прим. Д. Я. Майдачевского

Библиографическое описание статьи

Попов И. И. Судьбы капитализма в Сибири. (Ответ Л. Б. Кр-ну) / И. И. Попов ; публ. и прим. Д. Я. Майдачевского // Историко-экономические исследования. – 2016. – Т. 17, № 3. – С. 578–616. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(3).578-616.

Reference to article

Popov I. I. The fate of capitalism in Siberia. (Answer to L. B. Kr-n). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2016, vol. 17, no. 3, pp. 578–616. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(3).578-616. (In Russian).